

Еркебулан УЛЫКБЕКОВ

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Эссе

Я помню, что впервые этот свет и тайна явились в семнадцать лет. Жизнь была балагурной, бессовестной. В порядке вещей мы творили многое, что стыдно вспоминать втайне.

Однако с детства меня пленял и вызывал беспокойное любопытство аромат и вид аккуратных книжных полок, которые бережно хранила бабушка.

Помню, был широко распространен в то время мюзикл «Нотр-Дам Де Пари». Горбуном я не был, но чувствовал в себе многое от этого героя. Так мне открылся «Собор Парижской Богоматери». Говорил друзьям и близким о загадочном на тот момент явлении, «когда книга превращается в 3-D фильм»... именно этот кинематографический эффект я уловил при первом прочтении великого романа. А что до остальных книг – ни один фильм так и не сравнил-ся по глубине, волнующей силе с классической литературой.

И вот, мне восемнадцать лет. Квазимодо влюблен, всепрощающ. А это значит, что и мне пора примириться с теми, кого я упорно обижал и недолюбливал. Но всё же в восемнадцать мало кто из нас способен великодушно принять извинение. Поэтому, после этого радикального шага, я утратил огромное количество приятелей. Господь благословил мягкосердечием, посчитав, что справедливая цена за это – отказ многих от общения со мной. Что ж, справедливая цена. В конце концов, всепрощение более согревает душу, чем лицемерие и общение по старой памяти.

Помню, как Онегин прицеливается в Ленского... зачем он это делал? Только гораздо позже стало ясно – возможно, Онегин перечитал Байрона, и вкупе с безграничным одиночеством и высокомерием Байрон приказал ему искать смерти. Нет ничего хуже, когда жизнь перестает быть интересной. Но и его Господь щедро наградил – любовным страданием. Оно дает переживания наподобие древнегреческой трагедии: представьте, что мир, который вы возлюбили до изнеможения, отказывается от вас. Что тогда чувствует человек? Не предательство, не измену, но причину первого обращения ввысь – облегчить душу, искупить слезами свое одиночество, чтобы наконец принять мистический свет единения с творцом. Пусть он будет абстракцией, необъятным Нечто, но окрылитесь Им, чтобы понять, сколь много явлений нам не подчиняются и не зависят от нас, что мы можем только в страхе ожидать этого Моби Дика – милости или жертвы.

Шли годы и время, пространство, люди стали менее реальны, чем страницы книг, которые питают нас и делают нас отстранёнными чужаками всюду. Неудивительно, что в таких обстоятельствах рождается подлинная вера. Ее можно стесняться проявить, выказать, случайно обнаружить, но классическая литература так или иначе приведет нас к насущному вопросу – буду ли я со-знавать себя после смерти, или, что вернее, означает ли смерть конец моего бытия? Так созерцатель открывает новую глубину литературы – он начинает творить. А что ещё нужно, чтобы сохранить себя здесь? Дети, память их о тебе и, безусловно, творчество, как физический и дословный след твоего существования здесь, как некая форма благодарности каждому произведению за дар чувственности и кротости.

Полки стали не только приятно пахнуть. Они открыли миры, из которых невозможно выбраться прежним человеком, в стадии, когда эти полки были неизвестны.

Вот по городу идёт инспектор Жавер... А на остановке смиренно размышляет Абай, предвосхищая предстоящие эпохи. Что ему мы? Что ему мир? Миллиарды отсылок, свидетельствующих, что мир держится на сформированных издревле архетипах, законах драматургии, где каждый несёт свою задачу. Это не отстраняет от людей так, чтобы их совсем не понимать, не чувствовать их судьбы, радостные или печальные, напротив, большее соотношение с образами героев даёт большее проникновение в самую сердцевину жизни, где мы связаны незримой нитью мироздания.

Вчера звучал орган в филармонии. Тени медных труб образовали современный арабский мегаполис, а стоит закрыть глаза, как ассоциативным рядом промчатся любимые картины детства: Бетховен сочиняет партитуру, стелкер провожает своих подопечных в комнату желаний, летят журавли, чтобы проститься с ушедшим теплом... Фуга набирает торжественное звучание; капитан Ахав стоит на корме, заложив руку за спину, он преследует белого кита, свое проклятие и смысл. Финальный аккорд – битва титанов завершилась победой нового Олимпа, Прометей прикован на веки вечные к скале, и видно тень приближающегося сокола...

Утром, на рассвете, слышен этот орган, виден фанатично преданный ему профессор. Почему бы он не второе воплощение Баха? Стираются границы национальностей и религий, Бах повсюду связывает нас свободой музыки. Посмотрите налево – там человек не твоего племени, направо – человек говорит на ином языке. Но почему же мы слышим и чувствуем одно? Почему наши веки содрогнулись, а грудь издала протяжный вздох сладкого катарсиса? Мы едины...

Солнце покрыло горизонт, горную цепь Алатау, частный сектор, хрущевки. Оно везде заиграло вездесущим звуком симфонии, дыханием древности. Мы едины...

Что же делает мой пёс? Дышит часто и весело, сейчас мы прогуляемся до плотины, чтобы совершить привычный языческий ритуал купания в ледяном озере, очищения, нанесения блёсток дня на наши обнаженные тела. Победим, посмеемся, возрадуемся новому дню. Пса уже давно нет, как нет и походов на плотину, но есть воспоминания, тайная жизнь ностальгии, значит – мы бессмертны.

И я, и мать, и все мы будем жить в воспоминаниях, будем содрогаться в сокровенных красках искусства, будучи живыми свидетелями... мы неизбежно станем одними из них. Мы едины.

Сколько всего прочитано? Весь мир текст, вся жизнь игра и драма, вся жизнь – едина и бессмертна.

